

Мои истории

Нет ни малейшего смысла перечислять все призы и награды, завоеванные этим человеком в то или иное время. Предваряя же некоторые правдивые истории, рассказанные им, достаточно вспомнить единственную вещь - заголовок, появившийся несколько лет назад в «Нью-Йорк таймс»: «Русский иллюзионист Кио напоминает покойного Сталина: и у того, и у другого все время исчезают люди».

Единственный порок, который я полностью обошел, — это игра: я равнодушен и к картам, и к рулетке. Но знают об этом лишь немногие, а все профессиональные игроки, называемые в своих кругах каталами, всегда были уверены, что, если я сяду с ними за один стол, мне без труда удастся не только разуть их, но и раздеть. И потому в Сочи, в местах их скопления, частенько возникали странные ситуации, когда, увидев меня где-нибудь поблизости и услышав, что я якобы собираюсь

фото Якова Титова

ИГОРЬ КИО МОЖЕТ НЕ ТОЛЬКО РАЗУТЬ, НО И РАЗДЕТЬ

помериться с ними силами, они прекращали игру и исчезали — от греха подальше.

Лет десять назад я собирался въехать в кооперативный дом Союза архитекторов. Приехав на жеребьевку — разыгрывались этажи и квартиры, — я оказался единственным артистом, попавшим туда по брони Моссовета, как тогда было принято. Собравшиеся были почти в шоке: жеребьевка для большинства была жизненно важна, и они сидели и с ужасом ждали, как бы я чего не выкинул. Когда очередь тянуть жребий дошла и до меня, я решил слегка разрядить обстановку и спросил у супруги через весь зал: ты какой хочешь этаж? И тут я понял, что так шутить не надо: почти все лица перекосились, и в воздухе повисла угрожающая тишина. А тут еще и жена решила немного подыграть, отвечая: двенадцатый. Ну, думаю, сейчас скажу, что ничего не вышло, все успокоится, но разворачиваю бумажку и вижу на ней номер — 12. Уверяю вас, это была абсолютная случайность, но какая! Решив поиграть и дальше, я совершенно спокойно заявляю: пожалуйста, дорогая. Представляете, что было в зале после этих слов? Вообще я заметил, что шутки — вещь довольно коварная. Одна из них, например, чуть не стоила места директору Дома литераторов Борису Филиппову.

Есть такой замечательный артист Михаил Ножкин, начавший карьеру в качестве исполнителя песен собственного сочинения, — они в

то время были страшно популярны. И вот в год 50-летия советского цирка на концерте в честь этой даты кто-то построил программу таким образом, что мой выход приходился уже после Ножкина, а им тогда можно было только заканчивать отделение: после его оглушительного успеха на сцене просто нечего было делать. Получилось так, как мы и ожидали: публика его не отпускала, и для того, чтобы объявить мой номер, Александру Ширвиндту пришлось чуть ли не со-

рвать голосовые связки. Но в те годы у меня все номера были скорее для цирка, нежели для сцены, и я решил, что единственное мое спасение — сказать что-то необычное. И тогда я произнес следующее: «Товарищи! Я никогда в жизни не согласился бы выступать после Ножкина, если бы не одно обстоятельство: вы все хорошо знаете, каких успехов в фокусах добилась наша страна за пятьдесят лет». Это было что-то: вначале пауза, потом редкий смех, потом настоящий взрыв аплодисментов. Но впрямую ко мне придраться было невозможно. Вызванный директор не моргнув глазом ответил: человек гордится своим умением — он же фокусник! И все это — чистая брешь, в отличие от рассказной про десятирублевки, вынутые мной либо из брикета мороженого, либо из расколотого на глазах у публики яйца, — легенд, сочинявшихся еще при жизни моего отца.

Году в семидесятом в Тбилиси я ехал в такси. Водитель, оборачиваясь и поправляя свою огромную кепку, говорит: — Ва-аа, дарагой, сразу узнал тэбя, да. Не мог бы ты, слушай, на дароге показать мэнэ какой фокус-шмокус?

— Пожалуйста, — отвечаю. — Сейчас, когда приедем к цирку, я дам вам рубль, а вы мне дадите сладки как со ста.

Таксист подобного оборота, понятно, не ожидал и потому никаких фокусов больше не просил. В полной тишине доезжаем мы до здания цирка — а я к тому времени уже забыл об этом эпизоде, — протягиваю рубль, а он

злезет в карман и начинает на полном серьезе отсчитывать 99 рублей сладки. Ну, думаю вначале, подыгрывает. Смотрю — нет: сосредоточен, на лбу уже испарина появилась, так что делать нечего — деньги, чтоб человека не огорчать, беру и собираюсь обогнуть машину и отдать их в окошко. Но он, как только я выбрался наружу, со страшной силой

змет на газ и с диким свистом колес скрывается за ближайшим углом. И все бы ничего, но потом по городу пошел слух, что Кио гипнотизирует и грабит таксистов.

Или другая история. В начале сезона «Динамо» играло хорошо, но потом я уехал на гастроли и пропустил несколько встреч. Тем временем «Динамо» стало проигрывать. Возвращаясь, прихожу на стадион, и — такое стечение обстоятельств — клуб вновь начинает выигрывать. Больельщики ко мне: «Как же ты мог взять и бросить команду?!» Я им отвечаю что-то про гастроли, а в ответ слышу: «Да какие могут быть гастроли, когда сезон в самом разгаре?!» Там, знаете ли, публика такая же, как и студенты, — такое количество примет, не дай Бог...

Вспоминаются последние два года школы — я тогда начал работать с отцом и заканчивал ее, учась в тех городах, где он был на гастролях. Естественно, разобравшись, что я за ученик, времени было мало. С точными науками у меня всегда были сложности, а новые преподаватели физики или химии почему-то считали, что секреты многих номеров построены на каких-то физических или химических явлениях. И когда подходило время зачета, они почти всегда говорили: мол, спрашивать тебя о том-то и том-то неудобно — это мы здесь теор-

етично занимаемся, а ты-то чуть не ежедневно все это на практике проверяешь. Я их, по понятным причинам, не разубеждал, предпочитая скромно молчать.

Вообще случалось, когда люди при виде меня подавались самовнушению, достаточно много. Однажды в Краснодаре женщина, пришедшая ко мне, стала рассказывать, что соседка навела на нее порчу и теперь у нее все не клеится и валится из рук. Поделавшись со мной, она задала один-единственный вопрос: образуется все, пройдет или же черная полоса в ее жизни продолжится? Обычно я ухожу от таких разговоров, но здесь был случай особенный,

и я ему отвечаю: «Но ты же видишь — я в «Динамо» работаю». Этот аргумент ему показался достаточно веским, он задумался, но напоследок попросил: «Ну ладно. Только я тебя умоляю, хоть в следующем туре не оставь нас!» Или другая история. В начале сезона «Динамо» играло хорошо, но потом я уехал на гастроли и пропустил несколько встреч. Тем временем «Динамо» стало проигрывать. Возвращаясь, прихожу на стадион, и — такое стечение обстоятельств — клуб вновь начинает выигрывать. Больельщики ко мне: «Как же ты мог взять и бросить команду?!» Я им отвечаю что-то про гастроли, а в ответ слышу: «Да какие могут быть гастроли, когда сезон в самом разгаре?!» Там, знаете ли, публика такая же, как и студенты, — такое количество примет, не дай Бог...

Вспоминаются последние два года школы — я тогда начал работать с отцом и заканчивал ее, учась в тех городах, где он был на гастролях. Естественно, разобравшись, что я за ученик, времени было мало. С точными науками у меня всегда были сложности, а новые преподаватели физики или химии почему-то считали, что секреты многих номеров построены на каких-то физических или химических явлениях. И когда подходило время зачета, они почти всегда говорили: мол, спрашивать тебя о том-то и том-то неудобно — это мы здесь теор-

етично занимаемся, а ты-то чуть не ежедневно все это на практике проверяешь. Я их, по понятным причинам, не разубеждал, предпочитая скромно молчать.

Вспоминаются последние два года школы — я тогда начал работать с отцом и заканчивал ее, учась в тех городах, где он был на гастролях. Естественно, разобравшись, что я за ученик, времени было мало. С точными науками у меня всегда были сложности, а новые преподаватели физики или химии почему-то считали, что секреты многих номеров построены на каких-то физических или химических явлениях. И когда подходило время зачета, они почти всегда говорили: мол, спрашивать тебя о том-то и том-то неудобно — это мы здесь теор-

етично занимаемся, а ты-то чуть не ежедневно все это на практике проверяешь. Я их, по понятным причинам, не разубеждал, предпочитая скромно молчать.

Вообще случалось, когда люди при виде меня подавались самовнушению, достаточно много. Однажды в Краснодаре женщина, пришедшая ко мне, стала рассказывать, что соседка навела на нее порчу и теперь у нее все не клеится и валится из рук. Поделавшись со мной, она задала один-единственный вопрос: образуется все, пройдет или же черная полоса в ее жизни продолжится? Обычно я ухожу от таких разговоров, но здесь был случай особенный,

и я ему отвечаю: «Но ты же видишь — я в «Динамо» работаю». Этот аргумент ему показался достаточно веским, он задумался, но напоследок попросил: «Ну ладно. Только я тебя умоляю, хоть в следующем туре не оставь нас!» Или другая история. В начале сезона «Динамо» играло хорошо, но потом я уехал на гастроли и пропустил несколько встреч. Тем временем «Динамо» стало проигрывать. Возвращаясь, прихожу на стадион, и — такое стечение обстоятельств — клуб вновь начинает выигрывать. Больельщики ко мне: «Как же ты мог взять и бросить команду?!» Я им отвечаю что-то про гастроли, а в ответ слышу: «Да какие могут быть гастроли, когда сезон в самом разгаре?!» Там, знаете ли, публика такая же, как и студенты, — такое количество примет, не дай Бог...

Вспоминаются последние два года школы — я тогда начал работать с отцом и заканчивал ее, учась в тех городах, где он был на гастролях. Естественно, разобравшись, что я за ученик, времени было мало. С точными науками у меня всегда были сложности, а новые преподаватели физики или химии почему-то считали, что секреты многих номеров построены на каких-то физических или химических явлениях. И когда подходило время зачета, они почти всегда говорили: мол, спрашивать тебя о том-то и том-то неудобно — это мы здесь теор-

отвечаю: за два номера они вдвоем получают в месяц две тысячи. Случилась пауза, после которой голос подала жена секретаря: «Андрюша, может быть, мы лучше с тобой собак дрессировать будем?»

А не так давно на приеме в одной из фешенебельных гостиниц я случайно столкнулся с Виктором Герашенко, которого все привыкли видеть мрачным, сухим, по своему имиджу похожим на кровопийцу, который с утра до вечера только и делает, что отнимает деньги и думает, как бы каждому из нас сделать какую-нибудь гадость. А тут вдруг смотрю, выпивает он, закусьивает, веселится и совершенно не походит на образ, который сидит у нас в головах. И вдруг он произносит, обращаясь ко мне: «Я хочу выпить за ваши фокусы». «А я — за ваши», — отвечаю и также поднимаю вверх бокал с шампанским. На удивление, Герашенко оценил шутку больше, чем кто-либо. Или более ранний ленинградский случай. Сидим мы как-то в цирке и читаем в одной из газет, что в этот самый день отмечается юбилей замечательного актера БДТ Евгения Лебедева. Тут же звоним в театр и узнаем, что празднование уже началось. Тогда я прошу спросить Лебедева, не согласится ли он, чтобы я засунул его в некий ящик. И хотя Лебедев не был против, у нас получилась довольно сложная ситуация: для того, чтобы залезть внутрь этого сундука, обязательно надо потренироваться. А у нас ни на какие репетиции времени нет — юбилар все время сидит на сцене. Одним словом, придумали следующее: в один из моментов, когда ведущий того вечера Кирилл Лавров зачитывал телеграммы, Лебедев должен был потихоньку покинуть сцену, а вместо него появлялся я. Тут, естественно, все бы обратили внимание на отсутствие актера, после чего взгляды устремлялись ко мне: дескать, куда он его подевал? Но надо помнить, что времени на записывание Лебедева в ящик было чудовищно мало, и потому я дал указание своим ассистентам, чтоб они особо не церемонились: влезет, не влезет — должен влезть, иначе мое появление потеряет всякий смысл. Одним словом, все происходило, как и было запланировано: все видят, что Лебедев исчез, и ждут,

И тут из-за сцены раздается отчаянный вопль: «Е... твою мать!!!»

что же будет дальше. В зале — абсолютная тишина. И тут из-за сцены раздается отчаянный вопль: «Е... твою мать!!!» — после чего его вывозят: голова, торчащая из корробки, в натуральную величину, а туловище, находящееся внутри, кажется уменьшенным не менее чем в пять раз...

А совсем недавно я ехал с ночной репетиции и, дабы сократить путь, решил подрезать довольно приличный угол. По закону подлости именно в этот момент на дороге появился инспектор. Останавливает, берет мои права и тянет: «А-ааа... Ки-ио... Фокусы на проезжей части?» Я, конечно, оправдываюсь, а он ни с того ни с сего говорит: «Хотите, я вам свой фокус покажу?» Выбора нет — соглашаюсь, а он возвращает мне права и показывает рукой, чтоб я ехал туда, куда, собственно, и торопился. Ну, думаю, странный какой-то гаишник попался, однако о предложении ему не напоминаю. Проехав без малого полгорода, попадаю на еще одну машину ГАИ, откуда как ни в чем не бывало выходит тот же самый сержант. Приблизившись ко мне, он задал единственный вопрос: «Ну как?»

Вспоминать помогал Кирилл ЛИТМАНОВ.